

Православие и современность. Электронная библиотека.

СВЯЩЕННИК
АЛЕКСИЙ ТИМАКОВ

О Д И Н НА ОДИН С БОГОМ

ТАИНСТВО ИСПОВЕДИ

*По благословению
епископа Саратовского и Вольского
ЛОНГИНА*

Статья московского священника Алексея Тимакова «Один на один с Богом» — это попытка помочь современному христианину понять, что есть Таинство покаяния в Православной Церкви, какова его внутренняя, сокровенная сущность, как исповедоваться, чтобы ощутить целительное действие благодати Божией, сподобиться отпущения грехов и пережить подлинное духовное перерождение, заключающееся в совлечении **ветхого человека** и облечении в **человека нового**.

С Е Р И Я : Библиотека журнала «АЛЬФА И ОМЕГА»

© Священник Алексей Тимаков,
2003

© Издательство Саратовской
епархии, 2003

Всякий, кто даже впервые входит в православный храм, видит группу людей, столпившихся в некотором отдалении от священника, стоящего перед аналоем, и по очереди подходящих к нему. Люди эти стоят с опущенными головами, некоторые — со слезами на глазах; они печальны и сосредоточенны. Идет исповедь — Таинство покаяния. Впрочем, в покаянии обнаруживается не только печаль, но и радость; недаром древняя Церковь считала Таинство исповеди «второй благодатью». Однако далеко не все в наши дни так относятся к покаянию. Для человека общества потребления характерно другое: зачем мне исповедоваться, что это даст? И тут дело даже не в том, что грехи не осознаются («Живу, как люди живут...»), а в том, что не ощущается необходимость пребывания в мире с Богом.

Так почему же человек приходит на исповедь и почему не приходит? Что побуждает его прийти к покаянию и что мешает подойти к аналою, где лежат Крест и Евангелие? Эти два вопроса так или иначе встают в сознании человека, хотя бы отчасти соприкасающегося с нашей православной традицией, и ответы на них в значительной степени определяют его дальнейший жизненный путь. Задавшийся этими вопросами хотя бы пытается рассмотреть самого себя по отношению к Иисусу Христу, а это уже путь евангельский. Евангелие — это письмо¹. И есть письма, написанные мне, а есть — не мне. Но Евангелие — всегда мне, хотя я не просто индивидуальный адресат.

¹ Из двадцати семи книг Нового Завета двадцать четыре — это послания, письма; к их числу епископ Кассиан (Безобразов) относит и Откровение святого Иоанна Богослова.— *Ред.*

Христос в Евангелии практически никогда не бывает один; Он всегда в толпе, и даже если Он удаляется, толпа остается как бы в ожидании; она сформировалась вокруг Него... Это общество людей, жаждущих Христа, растет вот уже на протяжении двух тысяч лет, и я — один из этой толпы; я сам являюсь действующим лицом евангельского повествования, и очень хорошо было бы мне в каждом конкретном отрывке этого повествования определить, что мне — именно мне! — хочет сказать Христос.

Евангельское пространство заполняется Церковью, и, задаваясь вопросом о покаянии, человек пытается определить свое место в Церкви. Вопрос этот, безусловно, непростой, поскольку для подавляющего большинства людей, мыслящих в категориях добра и зла, то, что касается Евангелия, решено положительно, а вот в вопросе о Церкви такой определенности нет. Ибо Церковь зачастую ассоциируется не с непосредственным действием Святого Духа, а с неустройством и непорядками, которые встречаются в среде верующих. Столь неверное представление о Церкви связано с тем надрывом духовной традиции, который пережила наша страна¹. И такое понимание подчас является непреодолимым препятствием для покаяния.

¹ Наверное, точнее было бы сказать, что оно существенно усугубилось в результате этого надрыва, но существовало оно во всех странах и во все времена: люди, пожелавшие верить во Христа, не в состоянии были присоединиться к Его Церкви, а некоторые и отпадали от нее, не в силах уяснить, что Евангелие живет в Церкви, что Церковь есть таинственный Богочеловеческий организм и что недостойнство христиан не в силах умалить достоинство христианства. Жить жизнью Церкви действительно труднее, нежели читать Евангелие,— но и вообще жить труднее, чем читать.— *Ред.*

Наверное, определяющим доводом для многих людей, собирающихся приступить к покаянию, служит тезис: так положено, так жили мои деды. Немало и тех, кто чувствует разлад в своем внутреннем мире,— это уже более осмысленный подход. Думаю, есть и такие, кто обижен на весь мир и ищет то ли защиты, то ли утешения. На протяжении последних десяти-двенадцати лет в Церковь продолжает входить множество новых людей. Хотелось бы, чтобы их путь к исповедальному аналогу был осмысленным и искренним, чтобы никакие трудности не выбивали почву из-под ног человека, который только начинает нащупывать свой путь к Богу. Ибо путь покаяния — это путь отрешения от сознания секулярного и приобретение сознания церковного, когда Христос, таинственно действующий в Церкви, открывается как благодатная исцеляющая нас Истина.

Приходя в храм Божий на исповедь, мы приступаем к одному из основополагающих Таинств. Внимательно вслушаемся в молитву, предваряющую нашу исповедь. «Се (вот.— *Авт.*), чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое»¹. Это значит, что ты, человек, стоишь один на один с Богом, и точно так же будет, когда умрешь. В этом смысле таинство покаяния есть опыт умирания. Будучи еще жив, я, проща говоря, как бы репетирую свое предстояние перед Богом. В этот момент не может быть никакого обмана. Что я скажу Ему — Тому, Кто знает все до самой моей глубины? И вот, здесь я по своей воле открываю собственную глубину — ту глубину, где, в общем-то, очень страшно, где нет желанной чистоты, где иной раз одна только грязь и смрад. И я это выкладываю перед Богом для того, чтобы Он меня очистил.

¹ См.: Последование о исповедании, увещание перед исповедью // Требник. М.: Издательство Московской Патриархии, 2000. С. 77.— *Ред.*

Прекрасная притча о покаянии есть в книге К. С. Льюиса «Покоритель зари» из цикла «Хроники Нарнии»¹. Мальчик, будучи злобным, своекорыстным и ограниченным себялюбцем, превращается в дракона. Раскаяние и понимание своего безобразия приходит тотчас же, но это еще не покаяние. Он встречается со львом Асланом, создателем и спасителем мира Нарнии, который приказывает ему содрать с себя драконью шкуру. Мальчик повинуется, хотя ему очень больно, но оказывается, что под этой шкурой еще одна. Так повторяется несколько раз, пока Аслан сам не сдирает с мальчика шкуру дракона, причиняя

ему боль, во много раз больше прежней. Но зато дракон снова становится человеком, и притом гораздо лучшим, чем был раньше. Действительно, когда мы приходим на Таинство покаяния, мы приходим сдирать с себя драконью шкуру, но только ведь сначала нужно догадаться, что она существует и есть, что сдирать. Не знаю, всегда и все ли успевают это сделать.

¹ См.: *Клайв Стейплз Льюис. Хроники Нарнии. М., 2001.— Ред.*

Важна наша решимость прийти, встать перед Богом и открыться Ему: «Господи, помоги!». Здесь совершается таинственное действие Божие. Бог встречает меня во всей моей нежестости и исцеляет меня от моей скверны, которую я представляю Ему своим добрым волеизъявлением. Если не будет моей искренности, то не будет покаяния.

Становясь на путь покаяния, очень важно помнить, что нет такого греха, который Господь не сможет простить. Отчаяние в исправлении — это хитрый бес, парализующий духовную активность, это неверие в силу Божию и веру Бога в мое обновление, даже несмотря на то, что я продолжаю грешить.

Исповедь — это то, что накипело, в ней человек изливает душу. Но означает ли это, что исповедь всегда лишь спонтанный акт, что к ней нельзя готовиться, иначе она потеряет свою непосредственность? — Конечно, если у человека, в какой-то мере приобщившегося культуре исповеди, внезапно возникает острое видение какого-то своего греха, он старается как можно скорее этот грех избыть в покаянии. Но все-таки к исповеди, безусловно, нужно готовиться. Если, подходя к священнику, приближаясь к Кресту и Евангелию, я не проживу в сознании своем тот участок жизни, за который исповедуюсь, мое покаяние наверняка будет очень поверхностным. А когда я специально готовлюсь и серьезно вдумываюсь в свою жизнь, то оказываюсь способен раскрыть, показать все потаенные уголки своей души. Авва Антоний Великий говорил: «Великий подвиг для человека — раскаяние в грехах и ожидание искушений до последнего издыхания»¹.

¹ См.: *Святитель Игнатий (Брянчанинов). Отечник. М., 1996. С. 5.— Ред.*

Не бывает греха вообще: грех всегда предельно конкретен. К сожалению, иногда ко мне подходят и докладывают: «Грешна, батюшка, во всем!». Чаще всего — это ложное смирение, попытка создать впечатление раскаяния, но при этом не раскрыть конкретно **своей** неправды. В таком «покаянии» сквозит нежелание продумывать свою жизнь, страх увидеть ее при свете евангельской истины, и прежде всего — упорное нежелание измениться и изменить свою жизнь, такую же привычную, как домашние тапочки².

² Существует некоторое заблуждение, предстающее в двух видах, но сводящееся к отождествлению греха и человека. По отношению к другим оно сказывается в том, что мы склонны судить человека за его грех, отказываемся не

только видеть в ближнем образ и подобие Божие, пусть и искаженные, но и попросту признать, что у него есть хоть какие-то добрые свойства. А в себе мы стараемся сохранить и удержать все наши качества, ошибочно считая, что они составляют в сумме нашу неповторимую личность. Между тем **ненавидеть грех, а не грешника** — это принцип, соблюдать который мы обязаны последовательно и неуклонно, равно как и отторгать от себя грех, даже если мы с ним сроднились так же, как с собственной рукой или глазом (ср.: Мф. 5, 29–30; 18, 8–9; Мк. 9, 43–48). Об этом автор говорит несколькими страницами далее.—
Ред.

Мы обычно относимся к себе крайне снисходительно: «Что я — святой, что ли?». Фразу эту мы произносим, как бы говоря: «Что я — сумасшедший, что ли?». Православный же путь есть практика духовного трезвения, при которой правилом жизни полагается не **среднестатистическая хорошесть**, а **святость**. Мы забываем, что созданы по образу Божию (а «образ» по-гречески — икона), что несем в себе икону Христову, врученную нам Самим Богом. А икона, если ее долго держать в небрежении, темнеет, превращается в «черную доску» (по выражению В.А. Солоухина). За драгоценный дар мы несем огромную ответственность: мы в ответе за каждое пятно, которым затемнили этот образ. Как раз неподготовленность, поверхностность, аморфность, неискренность, искусственность в покаянии создают то, что называется **ложным** покаянием. Только вдумчивое, трепетное отношение к святости, которая дарована человеку, только трезвое осознание своего греха, своей неправды возвращают нас на дорогу, ведущую к Всевышнему.

Нам необходимо постоянно, вновь и вновь возвращаться к исповеди. Таким образом, вся наша жизнь становится покаянием, и в этом смысле православное покаяние — это путь, по которому мы бредем, спотыкаемся, падаем, встаем, отряхиваемся и вновь идем в Царствие Небесное.

Об этом повествуют «Достопамятные сказания» о древних египетских подвижниках. «Брат спросил авву Сисоя: что мне делать, авва? я пал! Старец отвечал: встань. Брат говорит: я встал и опять пал! — И опять встань, отвечал старец. Брат еще спросил: доколе это будет? — Пока не будешь взят из этой жизни добрым или порочным, сказал старец»¹.

¹ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1999. С. 478.

Существует еще одна, на мой взгляд, крайность, когда впервые кающийся начинает скрупулезно конспектировать книжки наподобие «В помощь кающемуся». Проблема здесь не в том, что у него нет большинства этих грехов, а в том, что он не способен все там перечисленное воспринимать как грех. Это, я думаю, своеобразная попытка после детского сада, минуя школу и университет, защитить диссертацию. Такая исповедь излишне формализованна. Это не значит, что такими книжками нельзя пользоваться. В них как раз собрано то, что Церковь относит ко греху, что **она** считает грехом¹. Безусловно, почти все, что

там написано, нам свойственно, но вопрос в том, отношусь ли я к этому, как к греху, стыдно ли мне за это и готов ли я этому объявить войну, находясь на данной духовной ступени. Мы, безусловно, плохо видим свои грехи и потому молимся: «Господи, даруй ми зрети моя прегрешения» (см. молитву преподобного Ефрема Сирина, читаемую Великим постом). И от покаяния к покаянию, если мы вдумчиво и искренне вглядываемся в себя, постепенно, иногда очень медленно, спадает пелена с наших духовных очей, обнажаются духовные немощи.

¹ К сожалению, в последнее время появляются самодеятельные брошюры на эту тему, со странными списками (отнесено к греху, например, «ездил в такси»), которые никак нельзя признать голосом Церкви.— *Ред.*

Было бы хорошо, если бы человек, переступивший порог храма, ощутил себя находящимся в Церкви. Водворяясь в Церкви, мы получаем в дар то, что неопишимо, не поддается словесным формулировкам,— радость церковную. Выразить ее практически невозможно. Высокий опыт познания этой радости встречается у апостола Павла: *Знаю человека во Христе, который <...> был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать* (ср.: 2 Кор. 12, 2–4).

Эта радость посещает нас в Церкви, но для того, чтобы туда войти, мы пользуемся и нашим разумом, он во многом помогает, особенно если учесть, что сейчас существует некий разрыв в поколениях, и в Церковь приходят люди, не воспринявшие с молоком матери православную традицию. И то, что раньше входило через сердце, сейчас пытаются вместить с помощью головы, и актуальность святоотеческого принципа сведения ума в сердце значительно возрастает.

Поэтому я предложил бы для чтения при подготовке к исповеди литературу, которая дает возможность понять, что происходит в Церкви, воцерковляет. Вероятно, для начала лучше всего было бы читать книги митрополита Сурожского Антония: «Духовное путешествие: Размышления перед Великим постом»¹, «Ступени: Беседы»², «Беседы о вере и Церкви»³, «Пути христианской жизни»¹, «О встрече»², которые вводят нас в **пространство Евангелия**, где мы становимся по-настоящему церковными людьми. А такие работы, как «О молитве»³, «Учитесь молиться»⁴, «Может ли еще молиться современный человек?»⁵, ставят нас, начинающих христиан, перед самой трудной проблемой православной жизни — молитвенным деланием. Почему именно его книги? Потому что это и доступно, и ясно, и глубоко. Работы Владыки — не беллетристика, не профанация, а серьезная литература на **современном языке**. Это не значит, что ничего другого нет, но я бы рекомендовал **начинать** именно с владыки Антония.

¹ Митрополит Антоний (Сурожский). Духовное путешествие: Размышления перед Великим постом. М., 1997.— *Ред.*

² Он же. Ступени: Беседы. Решма: Макариево-Решемская обитель, 1998.— *Ред.*

³ *Он же.* Беседы о вере и Церкви. М., 1991.— *Ред.*

¹ *Митрополит Антоний (Сурожский).* Пути христианской жизни. М., 1998.— *Ред.*

² *Он же.* О встрече. Клин, 1999.— *Ред.*

³ *Он же.* О молитве // Московские ведомости. 1992. № 3. С. 5.— *Ред.*

⁴ *Он же.* Учитесь молиться. М., 1999.— *Ред.*

⁵ *Он же.* Может ли еще молиться современный человек? Клин, 1999.— *Ред.*

Не стоит забывать, что духовный путь надежнее всего проходить под руководством священника, поскольку на этом пути встречается много подводных камней и течений, уносящих нас в сторону от Православия, о чем свидетельствует масса христианских и псевдохристианских сект. Священники обычно, несмотря на свою занятость,— люди очень доступные, и они приветствуют, когда к ним обращаются с вопросами. К тому же при храмах зачастую действуют воскресные школы со взрослым и детским отделениями. Они, ликвидируя вопиющую религиозную безграмотность, дают начальный посыл для духовного становления. Ныне время благоприятное, и при многих храмах действуют к тому же катехизические курсы.

Грех — это недуг; входя в человека, он извращает его духовную природу. Не распознав греха, мы не поставим диагноза, а не поняв природу болезни, даже не сможем начать лечиться. Без покаяния мы уподобляемся неразумному больному, которому поставлен диагноз «аппендицит» и предложена операция, больной же утверждает, что у него насморк и все само пройдет. Врач и пациент должны стать сотрудниками в борьбе с болезнью. Точно так же исповедник и исповедуемый должны стать союзниками в борьбе с грехом. И очень важно, что в православной практике помощником в покаянии является священник, с которым исповедующийся стоит **с глазу на глаз**. У этого исповедника обычно есть некоторый опыт, он способен отреагировать на то сокровенное, с которым человек пришел на покаяние, причем реакция, как всякий непосредственный живой отклик, может быть нелицеприятной.

В Православии исповедь — всегда подвиг **очной встречи**, а это как раз то, что в католичестве отнимается перегородкой исповедальни¹. Именно подвиг способствует сожиганию греха. Не надо таинство покаяния путать с партсобранием, где, хочет того человек или не хочет, его выставляют на потеху толпе, требуя прилюдного самоосуждения за то, что он «докатился до жизни такой». Подобная практика существует в различных направлениях протестантизма. Лет десять тому назад одна баптистка рассказывала мне, как она регулярно утаивала на прилюдной исповеди те проступки, за которые ее могли отлучить от общения. Перенос акцента с богообщения на выяснение отношений с людьми превращает покаяние в чистую формальность.

¹ Замечательно, что в православной исповеди священник называет себя свидетелем: «...Аз же точию свидетель есмь» и одновременно указывает на незримое присутствие Христа: «...Христос невидимо стоит, приемля исповедание...» (Последование о исповедании, увещание перед исповедью //

Требник. С. 77), символизируемое Крестом и Евангелием — но ведь и им самим как образом Божиим! Такое понимание, как представляется, подтверждается тем, что во время каждения храма священник кадит и кланяется не только иконам (образ!ам), но и молящимся (!образам).— *Ред.*

Скорее покаяние можно сравнить с грядкой, на которой выпалывают сорняки. Если их не полоть, то сорняки все заглушают, если же прополоть, то они все равно вылезут. Успех дела именно в регулярной работе; так и исповедь должна быть регулярной. Ибо **лес боится не того, кто по многу возит, а того, кто часто ездит**, как гласит русская пословица. В том-то и есть духовное трезвение: чем человек праведнее, тем лучше видит грехи свои. Недаром Христос предупреждает: *когда исполните все повеленное вам, говорите: «мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»* (Лк. 17, 10). При этом принципиально я не имею ничего против прилюдного покаяния; такая практика имела и имеет место в Православии. Однако это возможно лишь в исключительных случаях и по личному желанию кающегося, когда он осознаёт, что иного пути к духовному обновлению, перерождению для него нет. Но все же православное покаяние не только **таинственное** действие исцеляющей Божией благодати, но и **тайна** кающегося и исповедующего, и раскрытие этой тайны есть тяжкий грех и профанация таинства, что недопустимо.

Человек создан по образу Божию. Часто, когда люди приходят ко мне на исповедь впервые, я задаю им вопрос, знают ли они, что они созданы по образу Божию. И часто получаю утвердительный ответ. Но на следующий вопрос о том, как по-гречески будет «образ», люди теряются. И тогда я указываю им на образа, на иконы. И уже третьим вопросом:

— Ты когда-нибудь задумывался о том, что ты являешься иконой Христовой?

Да, безусловно, это не наша заслуга, это дар, вручаемый нам на хранение Самим Богом. Но на Страшном Суде мы дадим отчет об умножении этого дара. Ведь ежедневно глядясь в зеркало, мы видим там лишь свою физиономию, забывая про тот великий замысел о нас, который должен отражаться на нашем лице. Думаю, это показывает, сколь глубоко мы запрятали этот Божий дар. И на простой вопрос: «Где та драгоценность, которую Я тебе, человеке, вручил на хранение?», мы вряд ли сможем дать вразумительный ответ, если не приучили себя к покаянию как к систематической реставрации, к регулярному поиску того подлинного лика, того источника, который делает нас едиными с Творцом. Где-то в глубине своего сознания мы интуитивно чувствуем эту свою подлинность (ведь образ Божий в человеке неуничтожим). Но мы умудряемся эту интуицию повернуть к отвержению покаяния: «Что я, хуже других, что ли?», тогда как началом покаяния является трезвое понимание того, что я, по крайней мере, **не лучше** других и что не может быть количественного сравнения моих достоинств и недостатков с достоинствами и недостатками другого.

Критерием покаяния является та мера или, точнее, та безмерность даров, которыми Господь осыпал меня и которые я обратил в прах. То, как поступил

другой со своими дарами,— это прежде всего его дело (то есть тайна его исповеди) и дело Божиего суда, а не моего осуждения. И здесь нам может очень помочь опыт нашей любви или хотя бы влюбленности,— ведь полюбить человека означает так взглянуть на него, так проникнуть вглубь, что прозревается его подлинная духовная сущность, которая и есть образ Божий, икона. Опытный реставратор, которому принесли древнюю потемневшую доску, способен, проникнув сквозь записанные, потемневшие слои, воскликнуть: «О, какая красота!». Так и нам Господь дарует способность проникать сквозь видимое, но наносное, то есть ничего не значащее, в подлинное, глубинное в другом человеке. Сколько раз мы недоумевали, глядя на влюбленного: «Что он в ней нашел?!». Сколь часто другие удивлялись, глядя на поразившего нас человека. Но ведь настоящим, истинным является именно только увиденный нами в ком-то, хотя бы и сокрытый от других, образ Божий, а не это недоумение, неспособность прозреть вглубь. Важно понять, как говорит владыка Антоний в книге «Таинство любви: Беседы о христианском браке»¹, на что я обращаю внимание, когда смотрю на икону: на повреждения иконы или на дивный лик?

¹ *Митрополит Антоний (Сурожский)*. Таинство любви: Беседы о христианском браке. СПб., 1994.— *Ред.*

Опыт любви связан с явлением Бога, Который есть Любовь (см.: Ин. 4, 8). А разлюбить — значит променять дар глубинного проникновения в суть другого человека на мелочный подсчет количественных характеристик его полезных и вредных свойств. Путь покаяния нас трезвит; он заставляет требовательно относиться к себе и сочувственно к ближнему именно потому, что я ничуть не лучше **другого**, что оба мы имеем одно и то же человеческое достоинство, что оба мы созданы по образу Божию.

Как быть, если чувствуешь, что надо исповедаться, и в то же время **не знаешь**, что сказать на исповеди? Такое чувство, наверное, возможно лишь в начале церковного пути, когда мы по отношению к самим себе исходим из ложной предпосылки: **я не хуже другого**, когда мы слишком снисходительны к себе. Мы интуитивно ощущаем свою богообразность и вместе с тем чувствуем, что не все ладно в нашей душе. Мы начинаем ощущать, что своей жизнью, поступками, чувствами, словами вносим разлад в тот строй, который заложен в нас Богом, но вместе с тем не опознаём четко причины этой дисгармонии, потому что не видим ничего из ряда вон выходящего, что бы мы ни натворили: нам кажется, что так поступают все. Но личный грех приводит к личному или локальному расшатыванию устоев бытия, а целокупный грех всех людей — к дисгармонии всего мира, а ее мы очень хорошо ощущаем.

В 1998 году на Страстной неделе на Москву внезапно обрушился страшный снегопад (а это была середина апреля). И мой коллега-врач, доктор Дулькин, которому я иногда как анестезиолог помогал на операциях в больнице Академии наук, пытаясь подтрунить надо мною, спросил, за что Господь Бог прогневался

на нас: мол, машины бьются, аварии... Я спокойно ответил, что для этого вполне достаточно моих грехов.

— А, так это ты виноват?! — удивился он.

— Безусловно! — вынужден был согласиться я.— Но если **моих** грехов достаточно для стихийного бедствия, то **наших** с тобой, Лев Моисеевич, вполне хватит для вселенской катастрофы.

И это приводит меня к иной постановке вопроса: не **за что Господь прогневался**, а **как Он нас еще терпит**. Однако эта постановка вопроса не должна приводить в отчаяние, подобное описанному в «Достопамятных сказаниях». «Один воин спросил авву Миоса: ужели Бог принимает покаяние? После продолжительного наставления старец спрашивает его: скажи мне, возлюбленный,— бросаешь ли ты свою одежду, когда она раздерется? Воин говорит: нет, я зашиваю и потом опять ношу ее. Старец сказал ему: итак, если ты бережешь свою одежду, ужели Бог не пощадит Своего создания?»¹.

¹ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. С.332.

Когда приходишь на исповедь, очень важно конкретно видеть **свою неправду**; грех конкретен, и покаяние должно быть таким же. Вне зависимости от того, поступают ли **так** все или нет, важно, что я не имею права так поступать, я искренне опознал в себе эту неправду, и я должен с ней расстаться. Пусть для начала это будут два-три конкретных, но моих греха. В дальнейшем Господь откроет мне духовное зрение, и я увижу больше. И чем праведнее человек, тем больше грехов он увидит в себе, тем от большего груза грехов он сможет избавиться через покаяние.

Камнем преткновения является смущение, с которым я прихожу на исповедь, особенно на первую. Смущение вызвано не только стыдом, но еще и недоверием к священнику. Важно помнить, что я исповедуюсь Богу, а не священнику, который является **только свидетелем**, а если повезет,— помощником.

Нужна **моя** решимость. Очень важно, **чего именно** я жду от исповеди: Страшного Суда или самооправдания? В одной частной беседе протоиерей Валентин Тимаков сказал: «На том свете нет места юриспруденции!». Я прихожу на исповедь как на Страшный Суд. И это скорее явка с повинной, чем взвешивание моих добродетелей и проступков с извиняющими их факторами. Я очень далек от протестантского понимания: если ты поверил во Христа, то ты-де уже спасен, и Страшный Суд ни к чему. По мысли Патриарха Сергия (Страгородского), протестант ищет не столько спасения, сколько «безнаказанности за совершенные грехи». С другой стороны, католическая скрупулезность при взвешивании праведности и греховности на весах при определении, спасен человек или нет, или, быть может, его стоит немного пожарить в чистилище (будто бы Богу требуются наши мучения!), неприемлема; иначе был бы невозможен феномен благоразумного разбойника (см.: Лк. 23, 43)¹.

¹ В «Божественной комедии» Данте круги чистилища построены в соответствии с кругами ада; различие между их обитателями — в предсмертном покаянии тех, кто попал в чистилище, избежав таким образом ада. Но ведь разбойнику-то Господь за краткое исповедание Его Царем Небесным обещал рай, и на фоне блеска Божественного милосердия как-то бледно выглядят человеческие мнения о степенях осуждения или оправдания. Справедливости ради следует сказать, что и православные подчас склонны определять посмертную участь тех или иных лиц — но только в частных суждениях, каковые и должны оставаться частными.— *Ред.*

То, что я сейчас скажу, нужно воспринимать как иллюстрацию, притчу, но не более. Представим себя в качестве жителей пещеры, в которую почти не проникает свет. Глаза вроде бы не нужны, ибо мы знаем, где наклониться, чтобы не удариться головой о сталактит, где в подземной речке поймать карася, где ее вброд перейти, где улитку со скалы снять, чтобы съесть. Мы приспособились к сумраку и забыли про глаза. Зрение не отсутствует, но оно не востребовано. И если такого пещерного человека в яркий полдень внезапно вытащить на свет, то глазам его станет больно и он завопит: «Верните меня в пещеру, не хочу света!». И что, если по смерти мы — не попусти, Господи,— встанем со своими невостребованными духовными очами пред немеркнущим светом Бога и закричим: «Мне больно смотреть на Тебя! Не хочу быть с Тобой!». То есть возможно, что на Страшном Суде не Бог откажется от человека, а человек — от Бога. Это-то и страшно; по мысли епископа Каллиста Диоклийского, врата ада запираются изнутри, а русский апокриф о сошествии Христа во ад рассказывает, что Господь пожелал вывести оттуда Иуду, но тот отказался.

Наша нынешняя жизнь — это пещера-лабиринт. Если я буду с усилием, но продвигаться по этому лабиринту и преодолею, скажем, сто тридцать девять поворотов, то смогу увидеть на противоположной скале еле заметный блик света, отраженный от подземной речки. А если пойду еще дальше, то через тридцать поворотов уже начну различать игру светотеней. И если я буду это делать регулярно, то глаза мои научатся воспринимать свет, и когда меня выдернут в тот самый яркий полдень, я, конечно, зажмурюсь от необычайной лучезарности, но, быть может, не захочу сразу обратно, а постараюсь привыкнуть к сильному свету.

Добродетельная жизнь, опыт молитвы — вот тренировка нашего духовного зрения на пути из лабиринта. Она, надеюсь, позволит нам сказать: «Труден свет Твой, Господи, для нашей тьмы, но потерпи на мне, я постараюсь выдерживать его».

Здесь нет никаких гарантий, но лишь упование; нет расчета на свои заслуги, но есть надежда на милость Божию. Впрочем, никакая Божия милость не способна вырвать нас из нашей тьмы против нашего желания, и богочеловеческое дело нашего спасения начинается с покаяния: «Покайтесь!» на

ветхозаветном языке значит «Повернитесь лицом к Богу!», (см.: Мф. 4, 17 и Втор. 30, 2). Вставая на подвиг очной исповеди, очень важно уяснить, что стыдно грешить, а не каяться, что чувство стыда о соделанном — это пламень, пожигающий грех, что страх Божий — не испуг перед Богом или ужас кар, а опасение оскорбить бесконечно близкого и любящего, боязнь оборвать тонкие, сокровенные нити, связывающие нас с Творцом. Важно помнить: это нужно лично мне, а не кому-то; от этого зависит моя вечная жизнь или смерть.

Бог стучится в двери сердца каждого из нас, ожидая, не откроем ли мы, чтобы Он вошел и вечерял (см.: Откр. 3, 20), то есть чтобы Тайная вечеря, литургия совершилась в моем сердце. Бог жаждет моей любви, но не требует. Он жаждет нашего спасения, но решение оставляет на нашей совести, не понуждая силой к положительному ответу. Поэтому и взаимоотношения с Богом не могут не быть предельно искренними, и приходиться на исповедь с лукавством бессмысленно. Вопрос, который изначально и навечно поставлен передо мною, прост и звучит так: «С кем хочешь быть, человеке: со Христом или нет?». И ответ точно так же предельно прост: **с Тобой** или **нет**. Но вот ответить на этот простой вопрос непросто, ибо для этого ответа требуется целая жизнь.

Да, возможен путь благоразумного разбойника, который всю свою жизнь убивал и грабил, но, вися на кресте, возопил: «Господи, вся моя жизнь — сплошной ужас, но я вдруг увидел Твой свет и почему-то не ослеп. Более того, я и дальше способен его выдерживать. Не отними его от меня. Вспомни обо мне в Своем Царстве!». Этот путь возможен, и я не принимаю недоумений: почему, мол, бандиты, «новые русские» или «старые» коммунисты приходят в Церковь? Но при этом помню, что второй-то разбойник, висевший слева от Христа, искренне не смог вместить в себя свет Христов — грехи не пустили.

Священник в самом деле может помочь пришедшему, но от кающегося требуется вся искренность без остатка. В то же время я очень хорошо сознаю, что как бы предупредительно я, священник, ни относился к любому приходящему, всегда будут те, кто лично ко мне никогда не решится подойти или, подойдя, не получит того, что ожидал. Я очень хорошо помню тех, кто отходил от меня, несмотря на все мои старания. Но у Бога всего много — значит, есть другой священник, в котором ищущий может обнаружить духовное сродство с ним. Все люди — разные, и все священники — тоже разные; важно найти своего. Ведь у каждого исповедника своя паства — у кого больше, у кого меньше, но обычно всякий считает, что у него самый лучший духовник, ибо Бог вложил ему в уста самые нужные в какой-то момент слова.

Бывает, что человек исповедался — и словно гора с плеч свалилась, но такое душевное облегчение наступает отнюдь не каждый раз. При этом важнее всего искренность, которая порождает настрой, хотя настрой может родиться и во время беседы с исповедующим священником. Но действительно люди подчас уходят после исповеди с чувством обиды на священника. Я думаю, происходит это потому, что сам факт своего прихода мы воспринимаем как доблесть; мы будто делаем одолжение Богу, хотя это нужно **нам самим**. Одна евангельская

история может объяснить истинное положение дел. Хананеянка шла вслед Иисусу и кричала из глубины своей страдающей души: *помилуй меня, Господи, Сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется* (Мф. 15, 22). Она поняла, что только от Него зависят жизнь, смерть и исцеление ее дочери. Господь, как бы не замечая ее, шел дальше, она же продолжала вопить. Ученикам стало неудобно, и они уговаривали Спасителя исполнить ее просьбу, мол, что Тебе, Господи, стоит; Тебе же не трудно отпустить ее. Но Христос отказался, сославшись на то, что Он послан к погибшим чадам дома Израилева, а эта женщина язычница. Но она по-прежнему умоляла, и тогда Христос произнес суровые слова: *нехорошо брать хлеб у детей и бросить псам* (Мф. 15, 26), по сути назвав ее собакой. Многие ли из нас способны выдержать подобное сравнение? Кто до такой степени осознаёт свое полужычество, свою греховность? Конечно, Господь видел глубины ее сердца, к которому обращал столь жесткие обвинения, и хотел всем показать ее удивительный ответ: *так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ* (Мф. 15, 27).

Только через смирение, нищету духовную мы можем быть прощены Богом, как была прощена эта женщина. Мы же, делая одолжение Богу своим визитом к Нему, и слыша отповедь священника, начинаем возмущаться и уходим, хлопнув дверью. Однако я уверен: все неприятности и заушения, которые мы получаем в жизни и в том числе в стенах церкви, мы получаем либо за дело, либо впрок; причем хорошо бы себе уяснить, что впрок обычно получают **святые**.